

Паринуш Сание

МОЯ ДОЛЯ

Перевод:
Софья Бузулукина

qanun neşriyyatı

Паринуш Сание МОЯ ДОЛЯ

Баку, Издательство Ганун, 2025, 456 стр.

Жанр: автобиографический роман

Формат: 145x210 мм

Обложка: мягкая

Подписано к печати: 18.03.2025

Издатель:	Шахбаз Худуоглу
Перевод:	Софья Бузулукина
Корректор:	Диляра Юсифова
Компьютерная верстка:	Рахилия Шамиль
Оформление обложки:	Рафаэль Гасым

Издательство Ганун

Победитель Стамбул Copyright Awards

Баку, Азербайджан, AZ1102, пр. Тбилиси, 76

Тел.: (+994 12) 431-16-62; 431-38-18

Моб: (+994 55) 212-42-37

e-mail: info@qanun.az

www.qanun.az

[www.fb.com/Qanunpublishing](https://www.facebook.com/Qanunpublishing)

www.instagram.com/Qanunpublishing

ISBN 978-9952-38-245-7

© Издательство Ганун, 2025

© Parinoush Saniee, 2003

В романе «Моя доля» автор описывает жизнь иранской женщины, простым и естественным языком, рассказывая об отношении к ней в семье и обществе.

Отец и братья шестнадцатилетней Масуме собираются насильно выдать ее замуж за человека, которого она никогда не видела. Масуме любит другого, мечтает получить высшее образование. Готовая наложить на себя руки, лишь бы не выходить замуж по принуждению. Масуме еще не знает, что ее муж окажется не только образованным и современным человеком, но и революционером, борющимся за свободу страны и благо народа. Верующая девочка с покрытой головой из простой и религиозной семьи оказывается среди атеистов, левых и бунтарей...

I Глава

Когда мы переехали из Кума в Тегеран, отец позволил мне ходить в школу. Он даже разрешил, чтобы я покрывала голову обычным платком вместо чадры. Ведь никто не носил чадру в тегеранских школах. Но с одним условием: я не должна была своими действиями навлечь позор на нашу семью.

Да буду я жертвой своему дяде Аббасу перед Аллахом! Ведь это именно он подтолкнул отца к тому, чтобы я получила образование. Однажды я слышала, как он говорил моему отцу:

– Брат мой, было бы неплохо, если твоя дочь получит хоть какое-то образование. Жизнь не ограничивается одним хиджабом. Да и под чадрой можно творить сотни дурных дел, не в ней заключается добродетель. Теперь, когда ты переехал в Тегеран, тебе следует начать жить, как тегеранцы. Уже прошли те времена, когда девочки должны были сидеть дома и не знать ничего, кроме домашнего хозяйства. Пусть твоя дочь пойдет в школу. И позволь ей одеваться, как все остальные. Иначе в школе все будут тыкать в нее пальцем.

Дядя Аббас был очень мудрым и прогрессивным человеком. Так и должно было быть, ведь он уже десять лет как жил в Тегеране и приезжал в Кум только на чьи-то

похороны. Мать моего отца и дяди Аббаса, моя покойная бабушка каждый раз, когда он приезжал, говорила ему:

– Аббас, ты почему так редко меня навещаешь?

Дядя Аббас громко смеялся в ответ:

– Мамочка, мамуля, скажи родственникам, чтобы они почаще умирали – вот я и буду чаще приезжать в Кум.

Бабушка с такой силой била его по щеке и щипала после этих слов, что потом еще долго виднелся след.

Жена дяди Аббаса была родом из Тегерана. Всякий раз, когда они приезжали в Кум, она надевала чадру. Но все знали, что в Тегеране она ее не носит, и дочери их тоже. Никто в Тегеране не носил чадру. В школах даже хиджаб не надевали.

После смерти бабушки отец продал ее дом, в котором мы жили, и раздал каждому из родственников его часть наследства. Тогда-то дядя Аббас и предложил моему отцу переехать в Тегеран.

– Нет смысла дальше оставаться в Куме, не место здесь для нормальной жизни, брат. Давай лучше сложим наши доли наследства, и ты переедешь за мной в Тегеран. Там ты постепенно наладишь жизнь, работу. В Тегеране можно неплохо заработать.

Мой старший брат Махмуд тут же возразил: он считал, что в Тегеране люди не чтят законы Аллаха и Пророка. Не место набожным людям среди этих грешников.

А Ахмад, другой мой брат, наоборот, с воодушевлением согласился:

– Вот переедем в Тегеран и тоже выйдемся в люди, хорошо заживем!

Матушка сказала:

– Подумайте о девочках. Где они в Тегеране смогут найти себе хороших мужей? Да и не знаем мы там никого. Все наши родственники, друзья – здесь. Масуме уже закончила шестой класс и даже еще год дополнительно проучилась, ее

скоро пора выдавать замуж. И Фати в этом году должна тоже пойти в школу. Одному Аллаху известно, что с ней станется в Тегеране, в кого она превратится!.. Все говорят, что девушки там беспутные и ничего хорошего из них не выйдет.

Али, который в то время учился в третьем классе начальной школы, заявил:

– А я, что, уже умер, чтобы со мной не считались? Я за ними так следить буду, что никуда они от меня не спрячутся! Даже есть без моего ведома не смогут!

С этими словами он отвесил бедняжке Фатиме такого пинка, что она вскрикнула. Я подошла к ней и обняла сестренку:

– Братец, почему ты так говоришь, словно все девушки в Тегеране как одна – пропащие и других быть не может?

Ахмад, мечтавший о нашем переезде, бросил:

– А ты помолчи. Если проблема в Масуме, то давайте выдадим ее замуж в Куме, а потом уже переедем в Тегеран. Так даже лучше. А присматривать за Фатимой поручим Али. – И он с гордостью похлопал того по спине. – Вот смысленный малец растет, и честь семьи для него не пустой звук.

У меня сердце ухнуло. Ахмад и прежде был против того, чтобы я ходила в школу. Сам он не был прилежным учеником, несколько раз его оставляли на второй год в седьмом классе, а потом он и вовсе бросил учебу. Так и остался недоучкой. А теперь хотел, чтобы и я не могла ходить в школу, ведь тогда бы я училась дольше, чем он.

Покойную бабушку тоже волновало то, что я прилежно училась в школе. Она частенько выговаривала моей матери:

– Девчонка ничего не умеет делать по хозяйству. Вот выйдет замуж, а через месяц ее вернут, такую растяпу!

Затем бабушка переключалась на отца:

– Ты зачем столько денег тратишь на эту девчонку? Нет никакого смысла в том, чтобы столько тратиться и вкладывать

в девочку. Ты с таким трудом зарабатываешь эти деньги, чтобы вложить в нее, а потом должен будешь отдать еще столько же, только чтобы ее взяли замуж!

Хоть моему брату Ахмаду и было в ту пору уже двадцать лет, он не обзавелся даже нормальной работой. Дядя Асадулла взял его в лавку помощником, но даже так Ахмад все время слонялся без дела по улицам. Махмуд же, наоборот, сидел в лавке целый день. Он послушно исполнял все приказы, которые ему давал Музаффар-бек, владелец лавки. Отец даже говорил, что лавка Музаффар-бека держится именно на работе Махмуда.

Махмуд был старше Ахмада всего на два года, но все говорили, что по разуму он словно на все десять лет старше брата. Он был набожным, всегда вовремя совершал намаз, соблюдал орудж. Матушка мечтала, что он женится на дочери ее сестры – Саадат. Она говорила, что Саадат происходит из сейидов – потомков самого Пророка. Но я знала, что моему брату нравится другая наша двоюродная сестра – Махбубе, дочка папиной сестры. Каждый раз, когда она приходила к нам в гости, Махмуд менялся в лице. Он то краснел, то бледнел, заикался и совершенно не владел языком в ее присутствии. Только и мог, что стоять тихо в сторонке и смотреть на Махбубе во все глаза. Особенно, когда у той соскальзывала чадра с головы.

Красавица Махбубе была настолько беспечна и шаловлива, что не особо заботилась о том, насколько плотно укрывает ее чадра. Каждый раз, когда бабушка начинала ее отчитывать за это и говорила, что Махбубе не чтит божии законы, показываясь перед мужчинами с непокрытой головой, та отвечала, заливисто смеясь:

– Бабулечка, так ведь это – мои братья. Какие же они посторонние мужчины?

Я заметила, что каждый раз после того, как Махбубе бывала у нас, Махмуд по два часа не вставал с коврика для намаза. То и дело в этих его молитвах слышалось: «Избави от греха, о, Аллах». Видимо, в голове его возникали какие-то греховные мысли.

Долго еще в нашем доме продолжались споры о том, стоит ли нам ехать в Тегеран или же нет. Единственное, в чем все были согласны друг с другом, так это то, что спокойно уехать они смогут только после того, как меня выдадут замуж. Как будто все в Тегеране только и ждали, когда же я наконец приеду, чтобы сманить меня на кривую дорожку! Каждый день я ходила в мечеть рядом с мавзолеем Святой Масуме и молилась о том, чтобы семья забрала меня в Тегеран с собой, и я пошла бы там в школу. Я плакала: вот если бы я родилась мальчиком!... Или хотя бы умерла от дифтерии, как Зари. Зари была старше меня на три года. В восемь лет она заболела дифтерией и умерла.

Хвала Всевышнему, мои молитвы о переезде были услышаны. За все то время, что родители готовились к переезду в Тегеран, никто так и не посватался ко мне. Отец потихоньку уладил все свои дела. Дядя Аббас сперва арендовал для нашей семьи дом рядом с аллеей Горган, а потом и вовсе купил его. Единственная причина, по которой все оставались в Куме до сих пор – это я. Как только матушке встречался достойный, по ее меркам, человек, она тут же говорила, что Масуме уже созрела для замужества. Всякий раз я вспыхивала от стыда и возмущения. Но Аллах был на моей стороне. Он не допустил, чтобы ко мне хоть кто-то пришел посвататься.

В конце концов, отчаяние моих родных дошло до того, что они предложили меня мужчине, который уже успел жениться и развестись, сообщив, что они не будут возражать против нашего брака. Он был достаточно обеспечен и его

даже еще можно было назвать молодым. Однако никому не было известно, почему этот человек развелся с женой спустя всего несколько месяцев после свадьбы. Стать его женой мне казалось чем-то омерзительным, словно меня окунали в грязь. Стоило мне представить, как я буду вынуждена жить с ним под одной крышей в качестве его жены, как я отбросила всякий стыд и кинулась отцу в ноги, слезно умолять его забрать меня с собой в Тегеран и не отдавать замуж за этого мужчину. Наконец, отец не выдержал и внял моим мольбам.

Наш отец был мягкосердечным человеком. Я знала, что он меня очень сильно любит за то, что я родилась девочкой. После смерти Зари он трясся надо мной. Я была очень худым ребенком, и он боялся, что я тоже умру вслед за сестрой. Отец всегда думал, что был недостаточно благодарен Всевышнему за то, что тот послал ему Зари, и поэтому Всевышний забрал ее. Может, когда родилась я, он тоже сперва был недоволен, кто знает. Но я отца очень любила, а он любил меня. В нашем доме только он меня понимал. Каждый раз, когда отец возвращался домой, я брала полотенце и шла к пруду. Он опирался на мои плечи и опускал ноги в пруд. Затем он умывал руки и лицо, брал у меня полотенце и вытирался. Каждый раз, когда он вытирал голову, из-под полотенца на меня смотрели его светло-карие глаза, и я понимала, что отец любит меня и доволен мной. Мне всегда хотелось расцеловать его в такие моменты. Но не пристало такой большой девочке, как я целовать мужчину. Даже если это ее родной отец.

Короче говоря, отец обожал меня и поэтому многое мне позволял. Да и я ему пообещала, что буду стараться изо всех сил и не опозорю его. Впрочем, проблемой был не только переезд, но и школа. Двое моих старших братьев были категорически против того, чтобы я училась. Матушка хотела, чтобы я ходила не в школу, а на курсы кройки и шитья. Но я

снова слезами растопила сердце отца – последнее слово было за ним. Он записал меня в восьмой класс средней школы.

Школа находилась через несколько улиц от нашего дома. До нее можно было дойти пешком за пятнадцать-двадцать минут. Сперва отец сам отводил и приводил меня. Я не возмущалась по этому поводу. Лишь плотно укутывалась в чадру, чтобы никто не цеплялся за меня взглядом. Ведь если я не буду вести себя неподобающе, то мне и извиняться будет не за что. Однако братец Махмуд все равно со мной не разговаривал, считая грешницей.

Братья тоже нашли, чем заняться. Махмуд устроился помощником у Музаффар-бека в магазине. Ахмад же стал учиться у сапожника в районе Шемиран. Там он завел себе много новых приятелей. По вечерам он уходил к ним, стал поздно возвращаться домой. Постепенно все в доме стали замечать, что от Ахмада пахнет спиртным после его встреч с друзьями. Но никто ничего не говорил ему на этот счет. Отец опускал голову и игнорировал его. Махмуд отворачивался, бормоча: «Помилуй, Аллах». А матушка разогревала ему остатки ужина и все твердила, что у бедолаги, видимо, зуб болит и никак не проходит – вот он и полощет его спиртом. Она всегда закрывала глаза на любые выходки Ахмада. Он был ее любимчиком.

Вскоре Ахмад нашел себе новое дурное развлечение. Из окна на втором этаже он следил за домом нашей соседки госпожи Пярвин. Госпожа Пярвин частенько возилась во дворе, и в процессе ее чадра сползала с головы. Ахмад не отлипал от окна. А однажды я сама увидела, как они переговаривались знаками друг с другом.

Так голова Ахмада оказалась настолько забита другими делами, что он совсем забыл про меня. Даже когда отец позволил мне носить в школу вместо чадры обычный платок, он лишь побранился пару дней и оставил меня в покое.